

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ИРАНСКАЯ МИНА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Иранская мина / Александр Тамоников. —**
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186588-7

Осень 1943 года. В Тегеране готовится конференция глав государств-союзников. У советских спецслужб есть серьезные опасения, что немецкая агентура может сорвать высокую встречу. Группе майора Максима Шелестова поручено обеспечить безопасность нашей делегации. В Тегеране оперативники узнают, что незадолго до их прибытия в здание американского посольства проник неизвестный, после чего была взорвана машина начальника охраны дипмиссии США. Похоже, диверсанты готовы к самым смелым атакам. Шелестов разрабатывает ответный план, еще не догадываясь, какой необычный противник противостоит ему в этой схватке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2022
© Оформление.

ISBN 978-5-04-186588-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

— Вон она! — Журналист Жак Шарбонно поправил берет на голове, сдвинув его на одну бровь, и плотоядно улыбнулся, как охотник, выследивший дичь.

Невысокая женщина, одетая неброско, но чисто по-европейски, шла к выходу с рынка. Здесь, в районе Азади, можно было купить очень недорого любые местные овощи и фрукты, приправы, мясо птицы.

— А кто она такая? — с сомнением спросил второй журналист, Арман Жобен. — Я в Тегеране всего неделю, но успел заметить, что в столице много европейцев. Она служанка чья-нибудь?

Они стояли возле кофейни и разглядывали стройную женщину лет тридцати пяти. Она не спеша шла вдоль прилавков с небольшой корзинкой, прикрытой платком. Жобен сдвинул шляпу на затылок и достал из пачки сигарету. Они стояли рядом, такие непохожие —

два французских журналиста, работавшие в эти напряженные дни в Тегеране. Невысокий, плотный, темноволосый Шарбонно слыл неисправимым донжуаном, не пропускавшим ни одной юбки. Его быстрые карие глаза сводили с ума женщин всюду, где приходилось работать журналисту. Высокий, стройный и рассудительный Жобен не одобрял выходки своего давнего друга. Его на юге Франции ждали жена и две дочери, к которым он питал удивительную нежность, и другие женщины молодого журналиста не интересовали. И сейчас желание Шарбонно соблазнить незнакомку вызывало у Жобена только грустную улыбку.

— Ты неисправим, — покачал Жобен головой. — У нас с тобой есть прекрасный шанс встретиться с представителем американского посольства и получить отличный материал для наших изданий, а ты отвлекаешься на такие глупости. Сейчас вся иранская столица гудит в преддверии конференции глав стран — участниц антигитлеровской коалиции, а ты о женщинах думаешь.

— Арман, на свете есть множество мужчин, которые думают о женщинах всегда, в любой ситуации! — засмеялся Шарбонно. — Их называют жизнелюбами. А ты просто скучный прагматик.

— Ох, Жак, не искал бы ты себе приключений...

— В них вся моя жизнь, — заверил друга журналист. — Ну, я пошел! Увидимся вечером в баре у Джозефа!

Арман Жобен только покачал головой и двинулся в сторону гостиницы.

Жак, лихо заломив берет, поспешил за женщиной, скрывшейся в узкой тегеранской улочке. Он догнал ее через пару минут и замедлил шаг, залюбовавшись фигурой европейки. Интересно, размышлял журналист, она англичанка или американка? Точно не француженка. Впрочем, это и неважно. Но какая фигура, какая талия, какая изящная походка и поворот головы! «Мадам, — мысленно произнес француз, — я без ума от вас! Клянусь своим бойким журналистским пером, я уложу вас в постель уже на этой неделе!» И он прибавил шагу. Догнав женщину, Шарбонно снова замедлил свое стремительное движение, стараясь восстановить чересчур взволнованное дыхание, которое могло выдать его истинные намерения.

В какой-то момент он догадался, что женщина слышит его шаги и даже увидела его отражение в стеклянной витрине магазина на повороте улицы. Поправив волосы под элегантной красной шапочкой, она вдруг сверну-

ла между домами в узкий переулок. Журналист не успел сообразить, что здесь европейской женщине делать нечего, но смело шагнул следом. Женщина стояла у стены к нему спиной. «Она что, скрывает от меня лицо?» — удивился журналист. И тут же почувствовал за спиной движение. Он резко обернулся, но тут же на его голову обрушился удар, от которого из глаз брызнули искры. Шарбонно успел заметить мужское смуглое лицо, но, не разглядев его черт, француз провалился в темноту.

Он не видел, как женщина подошла к его распростертому на пыльных камнях телу, пнула ногой, а потом сказала кому-то на чистом английском: «Жди меня у машины».

Когда стемнело, группа собралась в личном вагоне Берии, в той части, которая являлась «кабинетом» всемогущего наркома. Шелестов сидел на крайнем стуле, ожидая появления шефа, и размышлял о том, что предстоит ему и его товарищам.

Их вызвали неожиданно и объявили о привлечении к операции. Платов, всегда очень старательно относившийся к вопросам подготовки группы и максимальному информированию, в этот раз больше молчал, лишь осведомился о физическом состоянии и душевном настрое

оперативников. Возвращаться на базу он запретил, объяснив это необходимостью соблюдать максимальную секретность.

В результате группа провела время до вечера в одной из комнат на Лубянке, до холодка в спине похожей на допросную. Там установили раскладушки, и Платов велел всем отоспаться, насколько это возможно. Но, конечно, никому не спалось. Хотелось поговорить, посоветоваться, узнать мнение товарищей, но каждый понимал, что болтать и рассуждать в этих стенах не стоит. Поэтому оперативники лежали, глядя в потолок и думая каждый о своем.

«Если никаких вводных не поступит, значит, действовать придется на территории Советского Союза», — размышлял Шелестов. Любая операция за его пределами, за линией фронта, всегда требовала тщательной подготовки. Бывали, правда, исключения, когда группу бросали в неизвестность в силу сложившихся крайних обстоятельств. Но сейчас, как чувствовал Шелестов, Платов знал заранее о планируемой операции, но не счел нужным подготовить своих оперативников. Почему?

Когда машина въехала на грузовой двор пассажирской железнодорожной станции и из нее в слабом свете уличного освещения вышли

оперативники, они увидели Платова. Комиссар госбезопасности стоял возле своей машины. Он подошел к оперативникам и коротко бросил:

— Быстро за мной!

Когда группа двинулась за ним к платформам, комиссар госбезопасности торопливо вполголоса продолжил говорить:

— Шелестов, идите рядом и слушайте. Вы сядете в поезд. У вас будет отдельное купе в вагоне охраны. Ни с кем в разговоры не вступать. Когда будет нужно, вас вызовет в свой вагон Берия. Он проинструктирует вас. Точнее, объяснит вашу задачу. Действовать придется самостоятельно, опираясь на свой опыт и интуицию. Даже Берия не все может знать и предполагать. Помните, что вам придется верить только друг другу и никому больше. С оперативниками нашей разведки вам почти не придется контактировать. Такова идея Лаврентия Павловича.

Шелестов слушал хмуро, стараясь не отставать от шефа. Идеальных условий, конечно, не бывает, но вот так ехать, не только не зная сути задания, но даже не имея представления, куда ты едешь, — это уже слишком. «Значит, на то есть свои причины», — пытался успокоить сам себя Максим Андреевич. Но спокойнее от этого на душе почему-то не становилось.

— Что случилось? — задал Шелестов только один вопрос, когда они остановились на запасном пути, где стоял неприметный поезд.

— Пока ничего, Максим Андреевич, — стиснув зубы, медленно процедил Платов. — И не должно случиться. Ничего. Это ваша основная задача. Удачи вам.

Поочередно пожав руку каждому оперативнику, комиссар госбезопасности проводил группу взглядом, наблюдая, как люди садятся в вагон. Платов и сам был недоволен тем, что отправляет своих подчиненных без подготовки, без информации, без четкого плана и без связи. Да, с сегодняшнего вечера он начнет готовить для группы все, что нужно: и информацию, и связь с агентурой. Но передать все это он сможет лишь после личного разрешения Берии. А что сейчас на уме у наркома, Платов не знал, хотя какая-то логика во всем происходящем была. Правда, Лаврентий Павлович не поделился своими умозаключениями даже с Платовым. Значит, не время. Значит, эта информация сейчас, на начальном этапе, может только навредить. «Ладно, подождем. Пока что надо работать», — решил Платов и решительным шагом двинулся назад к машине.

— В контору, — коротко приказал он водителю.

Поддернув брюки, Юджин Смолл присел на корточки и заглянул в яму. Увиденное заставило его присвистнуть и сдвинуть шляпу на затылок.

Невысокий, темноволосый, он не бросался в глаза в иранской провинции, даже несмотря на то что носил вполне европейские костюм и шляпу. Но в Иране в 1943 году было много европейцев: и журналистов, и инженеров, и еще много разной братии, которая прибывала по приглашению иранского шаха и с разрешения оккупационных властей, чтобы помогать стране развиваться. И не только помогать, но и наблюдать за этим, держать руку на пульсе.

Так делал и Юджин Смолл, числившийся портовым инженером в Бушире. Еще в конце 30-х молодой оперативник ФБР Смолл из Южной Дакоты подавал большие надежды. Он взбирался все выше по карьерной лестнице, многие считали его славным малым и толковым контрразведчиком.

Особенно после памятного решения президента о санкционировании деятельности ФБР и в сфере политического сыска, и в сфере контрразведки. Война в Европе назревала, и большой вооруженный конфликт казался неизбежным уже не только политикам, но и большинству простых обывателей. С вос-

точного Тихоокеанского региона тоже наполнили тучи. В итоге в июне 1939 года президент Рузвельт издал директиву, в которой разделил контрразведывательные и разведывательные полномочия между федеральными ведомствами. В ведение ФБР попало все Западное полушарие за исключением зоны Панамского канала, на военно-морское ведомство была возложена ответственность за Тихоокеанский регион, а американское военное ведомство стало отвечать за европейский и африканский регионы и зону Панамского канала. На Гавайских островах право действовать получили все разведывательные органы, поскольку в этом районе особую активность проявляла Япония.

В 39-м году Смолл попал в разведку. Однако работа в Латинской Америке не прошла для молодого специалиста даром. Дело в том, что, помимо обозначенных в директиве Рузвельта ведомств, традиционно разведывательной деятельностью занимался еще и Государственный департамент. Более того, как внешнеполитическое ведомство США он претендовал на ведущую и координирующую роль в сфере внешней разведки. К сентябрю 1939 года противоречия между Госдепартаментом и ФБР достигли своего пика. Перед руководством Штатов встал вопрос о том, кто будет координировать разве-

дивательную и контрразведывательную деятельность. Президент разрешил спор в пользу ФБР.

Так, менее чем через год, Смолл попал в центральный аппарат ФБР как один из ведущих специалистов по агентурной работе. Связи и несколько удачно проведенных операций вынудили руководство перенацелить Смолла на Азию. Тем более что после июльской трагедии 1942 года в Перл-Харборе возможности военной и военно-морской разведок расценивались правительством как недостаточные.

Вскоре в составе незадолго до этих событий учрежденного Комитета начальников штабов было создано новое разведывательное ведомство, получившее название «Управление стратегических служб». Через месяц Юджин Смолл стал сотрудником этого ведомства. Вопрос о составе группы специалистов управления, направляемых в Иран накануне визита туда президента, много споров не вызвал. В нее вошел и майор Юджин Смолл.

— Что это, Картрайт? — спросил Смолл своего помощника, кивнув на яму, в которой морпехи уже откидывали брезент, раскрывая содержимое тайника.

— Это снаряды, — пожал плечами помощник. — Насколько я понимаю, от орудий очень большого калибра.

— Именно, — хмыкнул майор. — Здесь, в этой дыре, в ста милях от побережья и ближайшего эсминца. Калибр этих игрушек более двухсот миллиметров, Картрайт. Это морские орудия. Гранаты и пулеметные ленты тут тоже неслучайны. Единственное цивилизованное место, для которого такой склад уместен, — трасса от побережья на север в сторону советской границы.

— Вы думаете, что это склад для подготовки диверсии на трассе ленд-лиза? Кто-то хочет подорвать караван с военными грузами для русских парней?

— Нет, это для того, чтобы рыбу глушить! — недовольно буркнул Смолл. — В одном из несуществующих в этой местности озер глушить несуществующую рыбу. Есть такой способ добычи пропитания, если вы не знали. Вот что: выставьте охрану и прочешите местность вокруг. Если обнаружите какого-нибудь заблудившегося пастуха или крестьянина, который не туда заехал на своей арбе, задержите и доставляйте быстро ко мне на допрос. Я пришлю машину. Погрузку осуществлять очень осторожно и только в ночное время. Здесь все оставить в таком виде, как мы с вами и застали. Устроить засаду. Кто-то же должен явиться за этими игрушками...

— А если нас заметили? Если кто-нибудь за нами наблюдает? Тогда никто, конечно, не придет.

— Умное замечание. И самое умное слово — «если». Никаких «если»! Необходимо отработать все, что успеем. Я подключу агентуру и наведу справки у местных. Они могли видеть чужаков, а тем более — чужаков с вместительным транспортом. Это ниточка, Картрайт, и ее нужно размотать осторожно и быстро. Это наша с вами работа.

Берия открыл дверь и негромко приказал: «Заходите». Группа вошла в ту часть вагона, где располагался кабинет наркома.

Несмотря на то что все окна литерного поезда № 501 были затемнены специальными шторами, Шелестов смог определить, что поезд идет на юг, к Закавказью. Что это могло означать, он не знал. Не хватало информации для того, чтобы сделать хоть какие-то предположения. Впрочем, сейчас все станет ясно.

Группа выстроилась справа от своего командира. Все были в армейской форме, смотрели спокойно, выжидаяще. Лаврентий Павлович прошелся по кабинету, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к перестуку вагонных ко-

лес, затем остановился и кивнул на ряд стульев у стены.

— Садитесь. Разговор не будет коротким.

Оперативники переглянулись и начали рассаживаться.

Обычно Берия был более многословен, блистал рассудительностью, был склонен к использованию метафор, сравнений, стремился продемонстрировать свою точку зрения и образ мыслей. Но сейчас он замолкал после коротких брошенных фраз, будто погружался в глубокие раздумья и искал слова, чтобы выразиться точнее. Может, он еще не принял окончательного решения? Бывало и такое. Редко, но бывало. И нельзя сказать, что в такие минуты Берия шел на поводу у ситуации. Нет, нарком всегда стремился подмять ситуацию под себя, под свое мышление, перехватить инициативу.

— Вот что, товарищи. — Стекла очков Берии тревожно блеснули в неяром свете бра. — Дело, которое нам с вами предстоит, важное, очень важное. Я бы даже сказал, мы с вами находимся в центре исторического момента. И от нашей работы, от выполнения нами задачи, зависит история. История не только нашей страны, история Европы, но и история всей цивилизации.

Шелестов вдруг с неудовольствием подумал, что Сосновский сейчас удивленно присвистнет. Но оперативники молчали, не понимая, куда клонит нарком. Что за притча?

Берия правильно понял напряженное молчание группы. На миг в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он сумел вызвать тревогу, дать почувствовать оперативникам всю сложность и необычайность ситуации.

— Да, я не шучу, — резко бросил Берия и откинулся на спинку своего рабочего кресла. — Момент действительно исторический — и по важности предполагаемых результатов, и по важности последствий, если все сорвется. Скоро в Тегеране состоится встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Да, да! В столице Ирана товарищ Сталин проведет встречу с президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем. Важность этих переговоров невозможно переоценить, как невозможно переоценить и горячее желание Гитлера сорвать переговоры и воспользоваться тем, что лидеры стран — его противников окажутся за пределами своих государств, выйдут из-под прикрытия орудий линкоров, авианосцев, армад истребителей и миллионов штыков армии. Попытки покушения неизбежны, надеюсь, вы это прекрасно понимаете.

— Да, мы понимаем это, Лаврентий Павлович, — ответил за всех Шелестов. — Это логично и предсказуемо. Немцы в лепешку расшибутся, чтобы или сорвать переговоры, или физически уничтожить глав государств. Антигитлеровская коалиция сильна, три страны в состоянии поднять и повести на борьбу с нацизмом всю Европу. Сейчас не конец тридцатых и не сорок первый год, когда все было непонятно и когда многие главы государств еще испытывали какие-то иллюзии по поводу нацистской Германии. Видимо, нам придется противостоять германской разведке?

— Да, вы правы, Шелестов, — странно усмехнулся Берия. — Наша задача, задача советской разведки вообще и задача вашей группы в частности, конечно же, сводится к противоборству с германской разведкой. Защита лидеров трех стран от покушения, предотвращение любых попыток нападения или срыва переговоров. Но это узкая задача, товарищ Шелестов.

— Узкая? — опешил Максим Андреевич. — Извините, товарищ нарком, я не совсем понимаю. Куда же шире?

— Шире в том смысле, что противостоять вам придется не только германской разведке, а любой, какая предпримет попытку срыва пе-

реговоров или нападения на глав государств-участников и лично товарища Сталина.

— Значит, не все друзья, — в тишине раздался голос Сосновского.

— Там, в Тегеране, во время подготовки конференции и во время ее проведения верить нельзя никому! — отрезал Берия.

— Даже союзникам? — удивился Коган.

— У нас нет союзников в прямом смысле этого слова, — зло бросил нарком. — У нас временные попутчики, которым сейчас удобно стоять на подножке нашего локомотива. И они могут соскочить с нее в любой момент, как только им будет это выгодно. Откройте глаза, вы же не дети, вы советские чекисты! Что за блажь и фантазии! Советский Союз для капиталистов по-прежнему враг, ненавистный враг. Гитлеровская Германия пока для них страшнее, с ней надо покончить, но по пути надо не упустить возможности максимально ослабить СССР, измотать его в этой войне. О том, что будет после войны, речь на Тегеранской конференции и пойдет.

— Но ведь товарищ Сталин осведомлен о тайных помыслах своих «союзников»? — спросил Шелестов. — Он понимает, насколько опасно приезжать туда?